

ЧАСТЬ I

*

ВЫБОР

«Все начинается
с крови и страха»

*

ГЛАВА 1

— В ту ночь, когда я пришла к тебе, Сара, я видела в зеркале *себя*. — Мой голос дрожит. — Оно — это я, и в это невозможно поверить.

Мы сидим с подругой друг напротив друга на цветастом пледе на полу. Кажется, сил подняться я сегодня в себе не отыщу.

— И ты не смогла причинить мне вред, — пытается успокоить меня она. — Значит, зеркало работает.

— В отношении тебя — да. Но я не могу раздать защитные зеркала каждому, с кем общаюсь и о ком думаю. А, судя по всему, явиться я могу во сне к любому из них.

— Какао. — Анна подает мне тяжелую пиалу. — Тебе нужно молоко, чтобы восстановиться. Ритуал выматывает.

Какао приятно пахнет шоколадом, и этот аромат так не соответствует моему новому мироощущению: он уютный и спокойный, а внутри меня по-прежнему бушует буря пугающих чувств.

— Спасибо. — Я благодарно киваю и принимаю из ее рук напиток.

Женщина опускается на диван.

Она тоже неважно выглядит: под глазами расплылись темные круги, а кожа приобрела оливковый оттенок. К тому же, сколько бы цыганка ни пыталась отважно скрыть от меня волнение, пряча дрожащие руки в карманы шаровар, я видела, что она напугана произошедшим не меньше меня. Возможно, ей стало бы легче, если бы я сейчас встала и ушла, оставив их с дочерью в покое и не подвергая больше опасности, но у меня нет на это сил.

— Мать не хотела мне такой жизни, — произношу я, сделав большой глоток какао. — Или, возможно, не хотела, чтобы я вообще жила. Узнав о моей истинной природе, она поняла, что во всем виновато ее решение многолетней давности. Оно породило монстра, которому суждено отнять много жизней. Убив меня, мама пыталась это предотвратить.

— Либо она знала, на что шла восемнадцать лет назад, — глухо отзывается Сара. — Ведь, поняв, что погибает, Карин без промедления обратилась к темным силам.

Я вспоминаю свои сны.

Две луны — как две стороны одной монеты. Это же я и моя темная сущность. «*Ты, ты, ты...*» — повторяло эхо: мое подсознание пыталось открыть мне истину и постоянно давало новые подсказки.

Но я получала их и наяву.

Взять хотя бы того коня — он почувствовал исходящий от меня дух смерти, испугался и встал на

дыбы. Или кота Сары — тот зашипел, когда я потянула к нему руку. Животные чувствуют подобное.

И не только животные...

— Мама, есть ли какое-то средство? — Подруга касается ее колена.

Анна кладет ладонь поверх ладони дочери и переводит взгляд на меня.

— Я не знаю, — вздыхает она. — Нея — машина для убийств. Ее предназначение — отнимать жизни и питаться ими для поддержания собственных сил. Она будет делать это даже против собственной воли, такова ее природа.

— Но разве ничего нельзя сделать?

— Нея правильно сказала: мы можем защититься сами, но не сможем защитить всех остальных.

— Я не верю, что это нельзя исправить! — с жаром выпаливает Сара. — Нужно изучить все это, посоветоваться со старейшинами. Нужно что-то делать, мама! Посмотри на нее. Это происходит против ее воли. Она — не такая. Она не тьма. Нея не может себя контролировать!

— Ты что-то помнишь... — Анна прочищает горло. — Ты что-нибудь помнишь из того, что происходит с тобой ночью, Нея?

— Нет. — Я отставляю кружку на пол и массирую пальцами виски. — Это все случается как будто не со мной. Я не осознаю... не понимаю, что это я. Черт, да я до сих пор не верю в это!

— Тише, тише. — Цыганка протягивает руку, но словно боится коснуться меня. — Успокойся.

Теперь так и будет: все вокруг будут шархаться от меня.

— Почему я ничего не помню? — спрашиваю ее.

— Возможно, твой организм сопротивляется. — Анна встает и идет к столу. — Или еще не время. Обычно человек полностью формируется к совершеннолетию — тогда же и твоя вторая сущность обретет полную силу. — Женщина опускает руки в пепел, лежащий в тарелке, и сминает пальцами недогоревшие ошметки ткани. Те рассыпаются, и на ее ладони остается почерневший кулон. — Или дело в чем-то другом...

— В чем?

Цыганка подходит, опускается на колени передо мной и берет мои ладони в свои. Она втирает пепел в мою кожу, а у меня все плывет перед глазами.

— Ты — необычная наттмара, — тихо произносит она. — Что-то все еще сдерживает тьму в тебе. Я не вижу, чтобы ты обращалась в полном смысле этого слова. Физического обращения не происходит: твое тело спит, а подсознание путешествует. И убивает.

— Что это значит? — спрашивает за меня Сара.

— Не знаю, — качает головой ее мать. — Я встречалась с таким лишь однажды. Это было далеко отсюда, когда я еще была маленькой девочкой. К моей бабушке за помощью пришла семья и рассказала, что в городе мрет скот и погибают люди, и жители подозревают в этом их родственницу. Оказалось, что ночами эта женщина обращалась марой и изводила все живое в округе.

— И что с ней стало? Ее вылечили? Изгнали из нее демона?

— Ее убили... — отводит взгляд Анна. — Это был единственный способ остановить смерти.

— А те девушки... — У меня обрывается дыхание. — Стина, Элла. Их... тоже я?

— Вряд ли, — качает головой цыганка. — Совсем другой почерк. Они не были задушены или измождены, их разорвали на части. — Она продолжает водить пальцами по внутренней стороне моих ладоней. — Ты еще никого не убила, Нея. *Пока*. Но когда-нибудь это обязательно произойдет.

Мой пульс ускоряется до предела.

— Так не должно быть. Это неправильно! Несправедливо! — взрывается Сара. — Должен быть способ это прекратить. Нея ведь ни в чем не виновата!

— Тебя убьет любовь, — вдруг осеняет меня.

— Что? — Анна поднимает взгляд.

— Пророчество из детства. Одна цыганка сказала мне, что *меня убьет любовь*. Теперь я знаю, о чем это: меня убьет не любовь в прямом смысле слова. Меня убьет *тот, кого я люблю*. «Хочешь жить, убей его сама», — так она сказала мне, уходя. Теперь я все понимаю...

Проклятые слезы срываются с ресниц, точно свора собак с цепи.

— Хельвин? — в изумлении произносит Сара.

Глупо, да? В тот день, когда я осознала, что испытываю к Бьорну чувства, мне открылась эта мерзкая правда.

— Он создан, чтобы убивать таких, как я. Он должен будет сделать это, чтобы я не причинила никому вреда...

— И что теперь делать? — Подруга закрывает рот рукой.

— Я ему ничего не скажу.

Пока.

Пока у меня есть немного времени до того момента, когда моя темная сторона обретет надо мной полную власть.

ГЛАВА 2

Иногда сны сбываются. Иногда сны — больше, чем сны.

Я переступаю порог дома, повторяя это про себя и прислушиваясь к тишине. То, что тетя считала даром хождения по снам, оказалось проклятием. И обрекла меня на это собственная мать.

Конечно, Ингрид не отвернется от меня, если узнает, но все же лучше держаться подальше от тех, кто мне дорог.

Нужно помнить: я опасна для всех, кого люблю.
И мне не хочется стать их кошмаром.

— Нея, это ты? — мелодично звенит голос Ингрид.

Я застываю на пороге. Тетя заглядывает в дом через дверь, ведущую на веранду. На ее руках перчатки, запачканные в земле, — видимо, она занималась пересадкой цветов.

— Привет. — На моем лице появляется подобие улыбки.

Тетя тут же замечает, что со мной что-то не так.

— Все хорошо? — хмурится она. — Ты где так долго была?

— В гостях у Сары. — Я пожимаю плечами, пряча переживания поглубже.

Ингрид стаскивает перчатки, швыряет их в сторону и входит в дом.

Я сглатываю, надеясь, что мое лицо не перепачкано пеплом.

— Что случилось, детка?

«Случилось то, что внутри меня сидит монстр, который однажды ночью вырвется на волю, придет к тебе, сдавит шею и высосет все жизненные силы — вот что».

— Ничего. Все в порядке. — Я растягиваю губы в улыбке.

Но в душе у меня мрак, и тетя это видит. Она озадаченно смотрит и хмурит брови.

— Все думаешь о матери?

«Я хочу быть просто человеком. Хочу быть, как все».

— Да. Я хотела тебя спросить...

— О том, почему она так поступила? — Ингрид обнимает меня за плечи и ведет на кухню. — Ты все еще копаешься в себе? — Она усаживает меня на стул, затем наклоняется и принюхивается к моим волосам. — Чем это вы занимались с Сарой у нее дома? От тебя пахнет гарью.

— Мы зажигали свечи. Я пыталась узнать больше про себя и свою мать.

— Нея! — всплескивает руками тетя. — Не от цыган же с их дешевыми штучками пытаться узнать о матери! — Качнув головой, она вздыхает, ставит передо

мной тарелку с пряным томатным супом и подает ложку. — Представляю, что они могли тебе внушить!

Ингрид злится.

Самое время сказать, что я не голодна, но не расстраивать же тетю еще сильнее? Поэтому, как покладистая девочка, я беру ложку и зажимаю в пальцах.

— Мне нужно было знать, почему она со мной так поступила.

— Зачем бы Карин это ни сделала, это не причина лишать ребенка жизни. — Тетя сжимает кулаки и резко садится на стул напротив меня.

Я кручу в руке ложку и смотрю на нее.

— А если я... не такая, как все? Если я не достойна жизни?

Ее глаза округляются.

— Это все они? Цыгане? Что они наговорили тебе, Нея?

Я мотаю головой.

— Это не важно. Лучше скажи мне, если я должна знать о себе что-то такое, чего еще не знаю.

Некоторое время Ингрид молча смотрит на меня и не моргает, а затем берет себя в руки и шумно выдыхает.

— Ты самое прекрасное создание на свете, детка. Что бы ни происходило с тобой, я всегда приму и пойму — помни это. Что бы ни случилось, я всегда буду рядом. Расскажи, что ты чувствуешь, что у тебя на душе, и я попробую помочь с этим справиться.

Тетя выжидающе улыбается, но я не могу произнести вслух того, что она не готова будет услышать.

— Сейчас, — говорю я, тянусь за сумкой, которую повесила на спинку стула, и достаю учебник. — Кто это с мамой? — Я протягиваю ей фото. — Ты знаешь его?

Ингрид опускает взгляд на фото. Как бы она ни старалась сохранять невозмутимое выражение лица, я замечаю, как опускаются уголки ее напряженных губ.

— Да. — Голос тети звучит глухо. — Я его *знаю*.

Возможно, мне мерещится, но опал на ее кольце темнеет.

— Кто это? Мой отец?

— Это Асмунд Хельвин.

— Начальник полиции? — уточняю я, пытаюсь вспомнить имя отца Бьорна.

— Пастор, — выдавливает Ингрид.

На ее скулах играют желваки.

— Моя мать была влюблена в него? Они встречались?

Тетя застывает в нерешительности. Видно, что ей с трудом дается каждый вдох.

— Он проявлял интерес... ко многим, — говорит она и сжимает челюсти так, что ее зубы едва ли не хрустят. — Ко мне в том числе. Мы с Асмундом встречались. Хоть и недолго. И если Карин забеременела именно от него, как я и подозревала, то нет ничего удивительного, что она не захотела поделиться с лучшей подругой тайной твоего рождения.

Вот почему парень с фотографии показался мне знакомым — это брат начальника полиции, и они очень похожи внешне. Если у матери действительно были отношения с парнем Ингрид, то она еще ужаснее, чем я думала о ней раньше.

Хотя если это окажется правдой, все запутывается только сильнее. С одной стороны, понятно, зачем Карин понадобилась помощь в родах — она бы погибла, рожая ребенка Хельвина. С другой — мы с Бьорном оказываемся родственниками, и именно его кровь удерживает на тонкой цепи моего внутреннего демона!

«Не хочу, чтобы это оказалось правдой... Не хочу...»

— Мне жаль, что она так поступила с тобой, — говорю я с сожалением. — Если это действительно так.

— В любом случае, это все в прошлом. — Ингрид отдает мне фото и изображает на лице улыбку. — Я давно забыла о нем. — Она встает, вытирает ладони о платье и задвигает стул. — Ешь давай, а мне нужно пойти, закончить с геранью.

Она спешно выходит из кухни. Чтобы не пустить слезу при мне, полагаю.

Я кладу ложку на стол и роняю голову на руки.

«Пусть все это окажется сном! Пусть!»

Нет, не хочу снов. Я вообще не должна спать, чтобы не причинить никому вреда. Спать нельзя. Нужно любым способом удерживаться ото сна.

Я провожу ладонями по лицу, бросаю взгляд на парня со снимка и на счастливое лицо матери, а затем прячу фотографию в учебник и иду заваривать крепкий черный кофе.

Надеюсь, поможет.

Чтобы не заснуть, приходится заменить кровать табуреткой. Мягкая постель настраивает на сон, а жесткое сиденье и неудобная поза — лучшие помощники в борьбе с ним.

Всю ночь я провожу, сидя на хлипкой табуретке, подкладывая под себя то одну, то другую ногу. Главное — оставаться в максимально неудобном положении.

Просто так сидеть невозможно, поэтому через час я беру в руки книгу. Но глаза наливаются тяжестью и слезятся — ясно, чтение убаюкивает. Я откладываю книгу и беру телефон: та же история. Отлично — значит, самое время заняться спортом.

Боясь, что звуки шагов разбудят тетю, я начинаю приседать и отжиматься. Быстро устаю и перехожу на активные махи, а затем — на вялые подергивания.

Нужно что-то делать — иначе уснешь.

Я зеваю и иду варить кофе.

Обдумываю возможность короткого сна: можно поставить будильник и подремать минут двадцать. Не убью же я кого-то за это время? А что, если убью? Нет уж. До рассвета всего три часа — это же ерунда. Важно продержаться до утра, а поспать можно и после обеда: в это время никто из тех, о ком я собираюсь думать, обычно не спит.

А что, если Микке решит вздремнуть после уроков в гамаке?

Черт! Мало того, что его девушка заглядывается на другого, она еще вполне способна нанести ему ощутимый уцерб — и это в лучшем раскладе. А о худшем даже думать не хочется.

Выпив чашку кофе, я делаю бутерброд: пока челюсти заняты едой, организм не сможет перейти в фазу сна. Двигаюсь тихо, чтобы не разбудить тетю. Я съедаю бутерброд и снова делаю зарядку. Открываю окно и впускаю в кухню прохладный влажный воздух.

Надеваю наушники, включаю музыку и начинаю пританцовывать. Настроение определенно поднимается.

Непонятно, как из этого состояния я всего через час прихожу к тому, что полулежу на столе, отчаянно массируя пальцами уши, стараясь не расклеиться и не сомкнуть веки.

Черт...

Черт!

Чем еще взбодриться?

Я иду в ванную и умываюсь ледяной водой. Супер!

Если проделывать все это по кругу в течение ночи, можно вытерпеть.

Едва дождавшись первых рассветных лучей, я выбегаю на пробежку. Дыхание Реннвинда неровное — ветренное, с колкими нотками прохлады. Шикарно бодрит!

С трудом подавляя зевки, я обегаю квартал. При тормаживаю у церкви. Густо заросшая кустами и травой изгородь поблескивает мокрыми каплями после ночного дождя. Я подхожу ближе, чтобы посмотреть на ухоженные ряды могил и матовые стекла церкви, отражающие утренние лучи.

Я схожу с асфальга, и мои подошвы погружаются в раскисшую землю, но это меня не останавливает — то, что там, за изгородью, манит сильнее. Я стою, прислушиваясь к завыванию ветра, и мне все больше кажется, что эти звуки похожи на стоны. Из церковного дворика остро пахнет травой и влажной почвой.

Я морщусь, едва моих пальцев касается вода, скатившаяся с листьев, покрывающих ограду. Стряхиваю капли и решаю бежать дальше.

Я несколько раз оборачиваюсь, гадая, как поступила бы, встретив сейчас Асмунда Хельвина. Наверное, мне стоит ненавидеть его, если он в самом деле мой отец. Возможно, нужно даже отомстить ему. Но, несмотря на засевшее внутри зло, я все еще остаюсь человеком и не могу допустить даже мысли о том, что причиню кому-то намеренный вред.

В школе я отыскиваю Сару: она сидит на подоконнике, болтая ногами.

— Ох, объявилась! — Подруга спрыгивает вниз и заключает меня в объятия, но тут же отстраняется. — О! Паршиво выглядишь! Кокнула кого-то ночью?